

≈ МОСКОВСКАЯ ЗАСТАВА

Так называлась одна из городских застав Петербурга, созданная в XVIII в. в районе пересечения Царской перспективы (ныне — Московский пр.) с Лиговским каналом. А когда в 1838 г. появились Московские ворота, с двух сторон колоннады поставили караульные будки, и проезд был возможен только между двумя колоннами в центре, которые отстояли друг от друга на ширину кареты.

Постепенно название «Московская застава» распространилось на обширный район к югу от самой заставы. В XVIII — первой половине XIX в. это была малозаселенная окраина, потом — фабрично-заводской район. На рубеже XIX—XX вв. здесь появились такие известные промышленные предприятия, как «Сименс-Шуккерт», «Динамо», «Скороход», «Невская фабрика механического производства обуви» и др.

Район в ту пору был довольно неблагоустроенный. За Московскими воротами дорога становилась грязной и пыльной, а в ненастье превращалась в топкую грязь. Жители шутили, что в дождливую погоду «нашу улицу перейти, что Дунай переплыть».

За Путиловским мостом располагались городские поля, куда летом выгоняли огромные партии крупного рогатого скота, привозимого в Петербург на городской скотопригонный двор. В дороге скот не кормили, и он тощал настолько, что его было неудобно продавать. Чтобы скот, как говорится, «пришел в тело», его и отправляли в поля за Путиловским мостом. Продержав его там сутки-полтора на подножном корму, гнали обратно на скотопригонный двор — теперь уже на продажу. За год на этих полях бывало до 250 тысяч голов.

«Забытые углы столицы» — под таким названием популярная в столице «Петербургская газета» опубликовала в августе 1892 г. отчет об осмотре санитарным отрядом

1-го участка Нарвской части местности за Московской заставой, по правой стороне Забалканского (ныне — Московского) проспекта до Путиловского моста.

«За Московской заставой нет ни водопроводов, ни городских стоков, — сообщалось в „Петербургской газете“. — Дворовым

водам деваться некуда, и они стоят до тех пор, пока не впитаются грунтом. При больших дождях воды накапливается такая масса, что она обращает все дворы в озера и затопляет выгребы, ледники, сараи и все помещения нижних этажей. То же самое бывает весной, при оттепели. Около домов, под пешеходными мостками, протекает открытая городская канавка, в которую домовладельцам предоставлено право проводить рукава для стока дворовых вод. Они воспользовались этой любезностью Городской управы и... вода продолжает по-прежнему стоять на дворах».

Причина заключалась в том, что канавка к тому времени давно уже засорилась и стояла выше уровня дворовых труб. В результате вместо пользы канавка приносила один только вред, вдобавок распространяя ужасное зловоние.

Обеспокоенные этой ситуацией, домовладельцы Московской заставы в 1886 г. подали коллективное прошение в Городскую управу, в котором просили обратить внимание на злосчастную канавку и призывали провести городские сточные трубы. «До сих пор никакого ответа со стороны Городской управы не последовало», — констатировал обозреватель «Петербургской газеты» в августе 1892 г.

Сохранилось ходатайство домовладельцев района за Московской заставой, с которым они обратились в конце 1899 г. в Городскую управу. В прошении они указывали на необходимость закрытия

*Московские
ворота.
Открытие
начала XX в.*

«зловонных канав», на крайнее загрязнение водосточных труб, на «безводные колодцы, расположенные по тракту», на «безобразное состояние мостовых», на «ночлежный приют, который служит притоном „темного“ люда», а также на «неотложность исправления и капитального ремонта Московских триумфальных ворот».

*Участники
Всесоюзного
автопробега
у Московских
ворот.
18 августа 1925 г.*

Под самими воротами мостовая была настолько испорчена, что, по словам современника, напоминала «американские горки»: «Проезд под такой мостовой сопряжен с опасностью для жизни. Мостовая эта находится под средней аркой, но по ней не ездят, хотя она стоит открытой, а пользуются боковыми проездами. На это безобразие неоднократно обращали внимание управы, но все тщетно!»

И тем не менее, несмотря на все эти проблемы бытовой неустроенности, места за Московской заставой облюбовали столичные дачники. Как протекал их отдых, можно узнать, к примеру, из сообщения «Петербургского листка» в июле 1897 г.

Вот что там говорилось: «Дачные колонии, приютившиеся за Московской заставой до Средней Рогатки, переполнены семейными дачниками. Жизнь здесь чрезвычайно тихая и, пожалуй, однообразная, но вот в чем горе: сюда стали все больше и больше стекаться аборигены Горячего поля, а с ними и множество отбившихся от дела мастеровых. Просторное Волково поле, небольшие лески и другие удобства привлекают сюда таких людей массами. Под открытым небом они проводят здесь время очень нескучно: старообрядческая община устроила у себя бесплатные обеды, и вот эти-то оборванцы и пользуются даровым столом. Днюют и ночуют бездомники в кустах и оврагах и нередко

пошаливают. При таких условиях дачная жизнь в этой местности становится не особенно спокойной и тихой»...

Во второй половине 1930-х гг., согласно тогдашнему генеральному плану города, Московский проспект становился главной магистралью социалистического Ленинграда. Центр переносился на юг, а на новой главной площади города, нынешней Московской, стали строить шедевр сталинской архитектуры — «Дом Советов». Однако планы переноса центра города осуществлены не были — началась война, но помпезная застройка Московского проспекта в районе «Электросила» — «Парк Победы» — «Московская» дает представление о том размахе, с которым шло строительство «нового Ленинграда».

Во время реконструкции в 1936 г. разобрали Московские триумфальные ворота как мешавшие трамвайному движению. К тому же советским властям совершенно не было нужно напоминание о славе русского оружия «царских времен». Еще в 1918 г. исполком Петроградского совета распорядился ликвидировать царскую надпись на воротах как «позорную», теперь дело дошло и до самих ворот. Тогда же по обеим сторонам ворот были снесены и старинные дома кордегардии.

Колонны разобрали на отдельные чугунные блоки, которые во время войны использовались для строительства противотанковых оборонительных сооружений. Четверть века наш город жил без Московских ворот — восстановили их только в 1961 г.

Однако полностью исторический облик Московским воротам вернули только во время их реставрации к трехсотлетию Петербурга. При этом восстановили «посвятельную надпись» на воротах, текст которой, по преданию, сочинил лично Николай I: «Победоносным русским воинам в память подвигов в Персии, Турции и при усмирении Польши 1826 г., 1827 г., 1828 г., 1829 г., 1830 г., 1831 г.». Ниже — «1838» (на обратной стороне ворот — та же надпись на латыни).

Камнем преткновения едва не стало окончание надписи, напоминающее полякам о кровавом подавлении их борьбы за независимость. Однако польская сторона, всегда очень щепетильно относящаяся к напоминаниям о подобных исторических событиях, не стала противиться восстановлению исторической надписи. Таким образом, в вопросе о реставрации ворот победила историческая достоверность.

Еще одна любопытная деталь из истории Московских ворот: площадь перед ними в 1920—1930-х гг. служила одним из мест, где трудящиеся рабочих и фабрик Московской заставы в едином порыве поддерживали политику партии и ее мудрого вождя, а также гневно клеймили капиталистов и мировую буржуазию.

Митинговая площадь имени Сакко и Ванцетти — именно такое название могло получить место у Московских ворот, где 23 августа 1927 г. собрались на митинг протеста тысячи рабочих фабрики «Скороход». Сегодня имена Сакко и Ванцетти уже практически забыты, а тогда, в 1920-х гг., они были известны на всем земном шаре, а в советской стране были одним из символов борьбы пролетариата с ненавистной «властью капитала».

«Дело Сакко и Ванцетти» явилось одним из самых громких уголовно-политических процессов XX в. Двоих американских граждан итальянского происхождения — рабочих обувной фабрики Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти — ложно обвинили в уголовном преступлении в апреле 1920 г.

Алиби им не помогли, а процесс из уголовного приобрел ярко выраженный политический характер: Сакко и Ванцетти, приверженцев анархизма, обвинили в том, что украденные деньги были необходимы для проведения политической кампании группы анархистов, к которой они принадлежали. Через семь недель судебного процесса обоих обвиняемых признали виновными в убийстве и приговорили к смерти.